

Рецензия на книгу

Истина нартов в музыке?

Тхагапсоев Х. Г.

E-mail: gapsara@rambler.ru

В статье анализируется монография Б. Ашхотова «Музыкальная нартияда: опыт исследования». Отмечается, что ее автором предложен оригинальный метод определения этнических истоков и этнической принадлежности элементов (персонажей, сюжетных наслоений) нартского эпоса, а также способ оценки стадий (стадиальности) развития эпоса на основе системного выявления идентифицирующих маркеров, в частности - особенностей музыки эпоса: мелодики, ритмики, общего строя. Утверждается, что этот метод носит универсальный характер и может применяться в методологии исследования фольклора различных этносов. Подчеркивается высокий уровень академизма монографии.

Ключевые слова: *культура, эпос, нартский эпос, синкретическая культура, диалог культур, музыка, музыка в системе эпоса, музыка как маркер аутентичности эпоса, музыка как мера стадиальности развития эпоса.*

Для цитирования. Тхагапсоев Х. Г. Истина нартов в музыке? // Доклады АМАН. 2022. Т. 22, № 1. С. 93–100.

© Х. Г. Тхагапсоев, 2022

Вероятно, трудно сыскать на дискурсивной арене человека, который не испытал бы в свое время шок (не впал бы в оторопь, как сказали бы классики) от парадоксальной фразы Сальери: «я музыку разъял как труп, поверил . . . алгеброй гармонию» (из трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери»). Монография, о которой пойдет речь, примечательна уже тем, что она столь же парадоксальным образом следует в противоположном ходу мысли Сальери направлении- анализирует и осмысляет (а значит - «поверяет») десятилетиями накопленный массив разнородных знаний, посвященных нартскому эпосу. . . посредством музыки, через призму музыки, т.е. на основе музыки, а не каких-то новых и «сверх новых» текстов, как принято в гуманитарной науке [1]. Уже этого, подчеркнем еще раз, вполне достаточно, чтобы научное сообщество нашей республики и северокавказского региона обратило самое пристальное внимание на означенную монографию. А ведь здесь речь идет об эпосе, известном всему миру, к тому же- отнесенном ЮНЕСКО к ряду достояний мировой культуры. К тому же, есть множество и прочих поводов обратиться к этой монографии.

Обратимся прежде всего к излюбленной в научной среде иронично-скептической фразе – «монография монографии рознь». Да, монографии и в самом деле бывают самые разные. Одни примечательны тематикой; другие отличаются необычной структурой; третьи - теоретической глубиной. Данная же монография более всего характерна классическим

Финансирование. Исследование выполнялось без финансовой поддержки фондов

типом академизма, что ныне встречается редко. Ведь сегодня ситуация такова, что основная масса монографии «приурочена» к защите диссертации и, увы, несут «печать поджимающих сроков», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но вернемся к объекту анализа - к монографии Б. Ашхотова.

Казалось бы, уже давным-давно все сказано по поводу нартского эпоса. Так что любой новый дискурс (если в нем есть необходимость) здесь может и должен строиться разве что как сравнение известных нартоведческих исследований необъятно обширного круга ученых и научных школ (Абаева, Гадагатла, Дюмезиля, «абхазской школы», «осетинской школы», «кабардинской школы», «балкаро-карачаевской школы» и др.). Обычно все так и происходит (и происходило доселе), ведь именно так функционирует почитаемый в гуманитарных науках компаративистский подход в научном познании, который оказался весьма продуктивным в самых разных сферах. В частности, в таких направлениях как:

- сравнительно-историческое языкознание (оно уместно в нартоведении);
- сравнительное литературоведение, которое ориентировано на изучение связей, параллелей, аналогий в семиотике, типических сюжетах, стилевой и эстетической специфике различных национальных фольклоров и литератур, что также востребовано в данном случае.

Однако, как уже подчеркивалось, профессор Ашхотов Б. Г. предлагает взглянуть на все, что известно по поводу нартского эпоса, а точнее- на все исследования, посвященные ему доселе, совсем иначе, через призму музыки, через ее строй, а шире- через методологическую оптику музыковедения.

Конечно же, в монографии, ее методологии элемент компаративистики присутствует. Б. Ашхотов часто и весьма бережно апеллирует к текстам, находкам, мыслям и выводам своих предшественников по строительству аналитического мира нартиады. Но это лишь некий аспект, далеко не самый главный в той методологии, что предстает на страницах монографии. Здесь главная и решающая роль, как уже подчеркивалось, отведена (безраздельно принадлежит) музыке- ритмике, мелосу, спектру композиций и их соотносению (соотнесенности) с текстом. А это выходит далеко за пределы обычной компаративистики и ее логики, которая предполагает соотношение и сличение лишь только одинаковых по своей онтологической природе сущностей (в частности - музыку с музыкой, текст с текстом, артефакт культуры с подобным артефактом иной культуры). А автор же монографии выстраивает принципиально иную методологию анализа и осмысления Нартского эпоса, соотносит текст с музыкальным миром этого же эпоса и особенностями ее строя, поскольку убежден в том, что именно мир музыки является самым точным индикатором не только культурно-этнических корней (этнической принадлежности) того или иного сюжета или героя нартиады, но и самым верным маркером эпохи (исторического времени) или исторического периода появления в пространстве нартиады тех героев или тех сюжетов, которые выступают как объект сомнения и анализа. В итоге получается так: многослойные и сложные тексты эпоса, зыбкие факты исторической этнологии, спорные прочтения фольклора и лингвистики в монографии поверяются через призму особенностей (ритмоинтонационную формульность и архаичность мелоса, прежде всего) музыки, поскольку в них и видится самый надежный маркер индикации этнического происхождения различных смысловых и сюжетных наслоений в эпосе и даже их «возраст».

Понятно, что подобный методологический подход (принцип) не ограничен рамками нартского эпоса- он универсален по сути и применим к эпосу любого этноса и культуры (русского, европейского, восточного). И не только. Заданная автором «музыковедческая оптика» (поскольку она универсальна и сродни математике) переводит вечный спор фольклористов по поводу «перво-авторства» того или иного этноса в отношении нартского эпоса и его сюжетных элементов в куда более объективное и толерантное русло, поскольку выводит исследователей на новое видение культурно-онтологического статуса нартского эпоса. В чем же сущность этого нового видения эпоса? Дело в том, что Ашхотов усматривает в нартском эпосе нечто сложное в культурном измерении - интерференцию, пересечения и диалог кавказских культур, на что, замечу пользуясь случаем, давно пытаюсь обратить внимание наших замечательных фольклористов [4, с. 146]. В итоге в данной монографии вполне корректно решается «вечно проблемный» в этнологии вопрос – вопрос о соотношении частного (этнического) и общего (общекультурного). А этот вопрос, увы, чаще всего решается с перекосом в угоду частному, т.е. в угоду этническому (разумеется, из «добрых побуждений»), что часто обрекает этнологические науки на национализм, узкий горизонт видения, провинциальность, на не научность.

Монография Б. Ашхотова академична и в оценках по поводу соотношении общего и частного (этнического и общекультурного), поскольку исследует особенности эпоса (его лакуны и наслоения, которые могут иметь ту или иную этническую принадлежность) через музыку и ее универсальные методы. В итоге автор приходит к выводу, что «нартский эпос – это сложный и комплексный историко-культурный феномен, а точнее- это форма диалога кавказских культур и итог этого диалога, а значит- общее достояние семьи кавказских этносов, на что и я давно пытался обратить внимание этнологов.

Впрочем, моя апелляция к нартскому эпосу и к его онтологическому статусу в культуре была частью проблем более общего характера, которыми занимался ряд лет (совместно с ростовскими и петербургскими учеными), а именно- частью исследовательских усилий по выявлению и типизации базовых признаков кавказской локальной цивилизации и, конечно же, по поиску ее «говорящего» имени [5–8]. Таковым именем в конечном итоге стала «лектоническая цивилизация» (от греческого слова Λεκτὸν, которое можно понимать как «речение, смысловое публичное изречение»). Если опустить детали и нюансы, лектоническая цивилизация – это социокультурная общность, основанная на публичном устном творении людьми норм социальной и культурной самоорганизации и само-регуляции. В такой цивилизации особое место занимают слово, публичная коммуникация и культура этой коммуникации - ее формы, нормы, институты, этика, эстетика. В этом контексте особенно велика роль синкретичных форм культуры (джэгу, хаса - в данном случае), что всегда неразрывно слито с музыкой. Профессор Ашхотов это тонко чувствует и постоянно апеллирует к культурной коммуникации этносов нартского мира (кавказского культурного мира). Напомним, что подобные тесные и активные коммуникативные отношения культур и именуется «диалог культур».

В формировании оценок автора в отношении эпоса особую роль играет то обстоятельство, что он глубоко погружен в музыку, в самый универсальный и чувствительный механизм коммуникации и диалога людей и культур. В итоге он, как никто другой в нашей этнологии, близко подошел не только к осознанию, но и к четкой демонстрации

того факта, что нартский эпос – это уникальная форма коммуникации и диалога культур кавказских этносов, уникальный плод их коммуникативной культуры и «созвучия» их культур.

В итоге он приходит к ключевому выводу своих исследований: нартский эпос суть плод и особое пространство (особый мир) совместного культурно-диалогического (в том числе музыкального) творения кавказских этносов. А посему, полагает профессор Б. Ашхотов, музыка должна стать не только частью и мерой (одной из мер) эпоса, но и методологическим инструментом его анализа и, конечно же- решения его спорных вопросов. Именно этот тезис выводит данную монографию далеко за пределы музыки, вторгаясь в общие вопросы этнической культурологии, а заодно вновь и вновь обнажая, что самая главная черта кавказских (нартских) культур (адыгской, особенно) – это коммуникативная активность и открытость, основанная едва ли ни в первую очередь на музыкальных и синкретичных, т.е. завязанных на музыку формах культуры -джэгу, хасэ, множество ритуалов приветствий.

Здесь впору обратиться к О. Шпенглеру, который утверждал, что каждая культура «порождает свою цивилизацию». Вероятно, при большом желании к формуле Шпенглера можно и придаться- тем более с позиции современных научных знаний, современных теорий цивилизации. Но в ней заключена бесспорно мудрая идея – нет шансов ни у одной небольшой самобытной культуры в мире сохраниться до наших дней на жестоких волнах времени и истории, если она не укоренена в рамках какой-то цивилизации (хотя бы самой скромной- локальной, суб-локальной).

И действительно- как показывают факты, у этносов «нартской культуры» сложилась-таки собственная локальная цивилизация, которую мы называем «лектоническая». И эта цивилизация более всего характерна тем, что здесь, как уже подчеркивалось, значимость и власть публичного слова, сила публично высказанного и признанного смысла (мудрости, поступка, нормы поведения, совета, максимы, поговорки, пословицы, доброй шутки) сродни праву и закону. Именно поэтому в рамках данной цивилизации активность и ответственность публичной коммуникации решает всё в бытии социума.

Это каким-то чудом уловил и не только уловил, но гениально выразил А. С. Пушкин, который представил миру Кавказ и обрисовал его как цивилизацию (тип цивилизации) - «дикую рыцарскую» [9]. Не будем придирается к гению и его поэтическим определениям: ведь суть сей цивилизации- рыцарская. А «дикая» она может быть и в том смысле, что нет здесь блистательных петербургских балов и офицерских клубов. Да и дворцов-то не видно. Даже литературные журналы не издаются- такая вот... цивилизация.

Но главное в том, что он обрисовал кавказский культурный мир именно как тип цивилизации с самобытной культурой, действенным типом личности, своеобразными формами социальной самоорганизации, коими он искренне восхищается (чтоб убедиться в этом, достаточно обратиться к поэме Пушкина «Кавказский пленник»). Монография профессора Б. Г. Ашхотова с новых позиций и с необычного ракурса свидетельствует о том, что в генезисе означенной цивилизации свою роль на протяжении веков играл нартский эпос и его коммуникативное пространство (в том числе музыкальное), хотя надо признать, что возникновение любой цивилизации являет собой сложный процесс, на который оказывают влияние десятки и сотни факторов истории и времени, их крутые перемены и

катастрофические разломы.

Вот здесь, вероятно, впору вновь вернуться к оценке монографии в целом. Она особенно характерна, напомним тем, что следует канонам классического академизма. Чтобы в этом удостовериться, достаточно хотя бы вскользь обратиться к рубрикации монографии, его глав, разделов, параграфов:

«Феноменология героического эпоса «Нарты» как явление культурного текста».

«О материале исследования».

«О пользе идентичной терминологии».

«К проблеме жанрового определения: этномузыкологический ракурс».

«Вначале был ритм».

«Звуковое пространство музыкальной нартиады: типологический и семантический аспекты».

«Фактурная вариативность в формообразовании пшинатлей как стилистический фактор стадильности».

«Музыкальная Нартиада в контексте компаративистики».

«Об авторах и интерпретаторах эпических текстов».

Здесь, как видим, нет подслеповатых и приевшихся ваковских рубрик – «постановка проблемы, ее актуальность, степень изученности, методология исследования, анализ-описание фактов, выводы и заключения и т.д. и т.п.» Напротив, каждый элемент структуры и вся совокупность рубрикации текста монографии отличаются некой классичностью и органичной целостностью. И самое главное – вся система рубрикации автора явно размечена метками глубины времени; здесь все дышит ощущением величия предмета познания и особой ответственности исследовательского обращения к этому предмету (эпосу). Таким образом автор фактически восходит (заодно возвращает и читателя) к духу и стилю великих философских диалогов эпохи Античности или Возрождения, когда авторы не разменивались на какие-то детали, а просто и вдохновенно сообщали миру свои озарения и открытия.

Да, вероятно, подобная стилистика для биофизики или космологии, а тем более – квантовой механики не годится. Но для познания и осмысления эпоса дошедшего до нас из глубин веков – это уместно и органично.

Остается лишь вновь подчеркнуть главную особенность монографии – ее исследовательскую установку мерить текст эпоса и его аутентичность, мерить само время в эпосе, мерить, наконец, перипетии эпоса музыкой.

Все это вместе создает не только культуру академизма монографии, что уже отмечено неоднократно, но и особую меру отношения ученого к предмету познания, к великому феномену древности и достоянию мировой культуры.

Впрочем, ныне в отношении Нартского эпоса порой в ход идут, скажем так, далеко не самые академичные подходы и методы познания – деконструкция, герменевтическое моделирование, ирония, рекурсия. Порой встречаются даже попытки «нартское в культуре» ставить на службу политической злобе дня [10]. Разумеется, не в данной монографии – здесь в каждой мысли и фразе слышится голос ответственности исследователя, сознающего, что он занят познанием истока и средоточия архетипических паттернов, культурных универсалий, глубинных корней музыкальной культуры и социально-психологи-

ческих структур едва ли ни всех кавказских этносов (адыгского и осетинского, прежде всего). Все это и дает основание утверждать, что перед нами образец классического, кропотливого, добротного, не терпящего спешности и небрежности академизма. Именно академизм такого рода и только он уместен в познании глубин культуры, ее истории, тем более- ее эпической истории.

Добавим к сказанному еще два примечательных момента, а точнее – два ярких индикатора академичности рассматриваемой монографии.

Во-первых, как водится в культуре академизма, каждому разделу монографии автор предпосылает эпиграфы из мира высоких мыслей. Но в данном случае они не столько намечают смысловую канву раздела (как это бывает у большинства авторов), сколько выступают как исследовательское кредо самого автора. Судя по всему, за главное кредо автор взял известный совет М. Рильке: «ищите глубину предмета». Автор увидел путь к глубинам своего предмета, к глубинам и к корням эпоса в музыке.

Второй момент: из 380 страниц текста монографии 121 (почти треть объема) приходится на тот элемент академического издания, который в прежние времена именовался «научным аппаратом» – это описание источников информации, их вариативного толкования, принятые аббревиатуры, сокращения и, конечно же, обширные приложения (нотные, прежде всего).

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что наш анализ затрагивает главным образом теоретико-концептуальные и методологические аспекты монографии с позиций современной методологии гуманитарной и культурологической науки [11–14]. А значит – он требует музыковедческого дополнения. Уверен, что уважаемые коллеги по музыкальной науке скажут свое слово по поводу рассматриваемой монографии. Ведь профессор Б. Г. Ашхотов в этой сфере известен во всей России – входит в самую верхнюю страту процентилля (именно по этому критерию сегодня оценивают каждого ученого и «его вес в науке») в сфере музыкальной науки. Остается лишь поздравить его и пожелать новых успехов в науке и творчестве.

Список источников

1. *Ашхотов Б. Г.* Музыкальная Нартиада: опыт исследования. Нальчик: Принт Центр, 2020. 380 с.
2. *Жданов Ю. А.* Солнечное сплетение Евразии. Ростов н/Д., 1998. 48 с.
3. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 231 с.
4. *Тхагапсоев Х. Г.* Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 146–154.
5. *Тхагапсоев Х. Г.* О кавказской культурной общности // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69, № 2. С. 30–37.
6. *Тхагапсоев Х. Г.* Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. С. 56–64.
7. *Тхагапсоев Х. Г., Идрисова М. З.* Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1 (53). С. 3–14.
8. *Тхагапсоев Х. Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб.: «Астерион», 2008. 222 с.

9. *Тхагапсоев Х. Г.* Пушкинский фактор в диалоге русской и кавказских культур // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 7. С. 617–623.
10. *Тхагапсоев Х. Г.* Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа. 2002. № 3. С. 25–33.
11. *Тхагапсоев Х. Г.* Коммуникативная концепция локальной цивилизации как методологический горизонт культурологии // Вопросы культурологии. 2008. № 8. С. 4–11.
12. *Тхагапсоев Х. Г.* Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 202–211.
13. *Сапунов М. Б., Тхагапсоев Х. Г.* Культура критического дискурса // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 7. С. 20–27.
14. *Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н., Докучаев И. И., Леонов И. В.* Информационно-семиотическая теория культуры: введение. СПб.: «Астерион», 2020. 208 с.

Book review

Is the truth of the Narts in music?

Tkhagapsoev H. G.

E-mail: gapsara@rambler.ru

The article is devoted to the representation of the political, psychological and business portrait, as well as to the analysis of the multifaceted activities of the famous Russian politician and prominent businessman A. B. Kanokov; special attention is paid to the period of his work as President of the Kabardino-Balkarian Republic. The following are distinguished as its essential characterological features (features): openness and democracy in political communication and in relations with civil society; creativity of business and management culture, activity and scale of charitable activities.

Keywords: *politics, democracy, civil society, economics, business, finance, budget, civil society institutions, reforms, reforms of land relations.*

For citation. Tkhagapsoev H. G. Is the truth of the Narts in music? // Reports of AIAS. 2022. Vol. 22, no. 1. P. 93–100.

© H. G. Tkhagapsoev, 2022